

ФИГУРА МОНАРХА В ВОЗЗРЕНИЯХ УИЛЬЯМА ПЕННА

Ирышков Артур Владимирович
Аспирант, Институт
общественных наук РАНХиГС

THE SOVEREIGN FIGURE IN THE WILLIAM PENN'S OUTLOOK

A. Iryshkov

Annotation

Actual article is dedicated to the point of view of the leader of the Society of Friends William Penn to the King's role in establishing and developing England. There are also some information about W. Penn's contact to Russian tsar Peter The Great.

Keywords: William Penn, Quakers, Magna Carta, Peter the Great, royalty, dissenters.

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению позиции основателя Пенн-Сильвании и лидера секты квакеров Уильяма Пенна по вопросу важности института королевской власти, её роли в историческом развитии Англии, допустимых полномочий монарха и достижении баланса в отношениях с народом. Также рассмотрен эпизод знакомства квакеров с Петром Великим, раскрывающий типичное для данной секты миссионерское отношение к сильным мира сего.

Ключевые слова:

Уильям Пенн, Квакеры, Великая Хартия Вольностей, Пётр I, королевская власть, диссентеры.

Роль личности в истории трудно переоценить. Зачастую, целые эпохи проходят под влиянием тех или иных персонажей. У каждого государства своя история и, следовательно, свои исторические личности и герои. Колониальный период истории США буквально пестрит разного рода фактами, интересными сюжетами для литературы, легендами и романтикой. Однако реальный политический и этический фундамент Штатов был заложен именно благодаря огромному вкладу выдающихся людей того времени. Весьма интересно в этом ключе рассмотреть взгляды известного философа, государственного деятеля и одного из отцов-основателей США Уильяма Пенна. А именно, речь пойдёт о его видении роли короля, правителя, лидера государства в формировании прав и свобод населения, в уровне терпимости и религиозной свободы социума, где данный монарх правит. Основными темами этого публициста являются веротерпимость, непризнание войн, христианское морализаторство. И это не случайно, ведь Уильям Пенн был одним из лидеров Общества друзей, или квакеров, весьма своеобразной секты, чьи основные постулаты сводились к отказу от участия в насилии и ношении оружия, непризнание тогдашней системы этикета: одежды, титулов, обращений, названий дней недели и месяцев и т.д. [21–26]. Гораздо подробнее об убеждениях своих единоверцев рассказывает сам публицист в своих работах [1]. Воззрения Пенна на персону монарха в российской исторической науке не разбирались столь подробно, как этого хотелось бы. Наиболее актуальные для нас авторы, дающие исто-

риографический обзор данной темы, это К. Н. Станков [2], С. И. Жук [3], С. А. Исаев [4], В. И. Ни [5]. В данных исследованиях разбираются отдельные элементы во взглядах философа, будь то его отношения с Яковом II, участие в основании колонии, разработке конституции для неё или становление идеи объединенных штатов Европы. Зачастую квакеры, ведомые внутренним порывом, отправлялись напрямую к сильным мира сего и проповедовали своё учение им [6]. Они полагали, что воздействие на тех, кто реально может изменить положение дел очень эффективно. Поэтому, когда квакеры во главе с Пенном узнали о посещении Англии русским царём Петром I, то сразу же посчитали это за знак свыше и искали встречи с ним. Статья Двойченко–Маркова [7], наряду с книгой "Квакеры в России" Риченды Скотт [8] является одним из главных шагов в изучении этого уникального исторического события. Мы попробуем дополнить эту картину, взглянув на отношение Уильяма Пенна к первому лицу в государстве не только в теории, но и на практике.

Персона монарха и вообще отношение Пенна к форме правления целиком зависит от его видения общего устройства мира и места человека в нём. Учитывая, что он был весьма религиозным человеком, да ещё и квакером, которые стремились быть честными в первую очередь перед собой, нам становится понятным его морализаторские настроения и желание реализовать их в политике. Уильям Пенн в своей работе "England's Present Interest Considered..." отвечает на многие политические

вопросы, в том числе даёт хронологическую справку становления прав и свобод англичан и роли в этом персоне монарха.

Вот некоторые характерные выдержки из его работы:

"Так как в "Сборнике научных трудов Британского Совета" говорится, что Этельстан, саксонский король, обращаясь к народу, сказал им: "Когда я, по разумению своему, согласно вашему закону, позволяю обладать тем, что принадлежит вам, и вы поступайте так со мной". Здесь можно наблюдать три аспекта, – продолжает Пенн, – во-первых, они обладали тем, чем никто, кроме них, не мог распоряжаться. Во-вторых, что они обладали собственностью согласно их собственному закону, поэтому они совместно принимали свои собственные законы. В-третьих, что закон являлся суперарбитром между короной и народом; никто из них не должен его нарушать: это подтверждает Великий Король Саксонский. "Не существует ни одного великого человека, – гласит он, ни одного во всем королевстве, который может отменить писанные законы". Эти слова были также основной частью Саксонской клятвы, которая произносилась королями во время интронизации как доказательство того, что они поддерживают порядок и правят в соответствии с Законами Нации.

Они называли свой парламент Миклемот или Витенагемот. Он состоял из короля, лордов, и народа до того времени, как духовенство начало подчиняться светскому правительству. И Эндрю Хорн в своем "Зеркале юстиции" говорит нам, что Великое Собрание Королевства в саксонские времена должно было совещаться с правительством Божьего народа по поводу того, как они могут спокойно избежать греха и обладать правом управлять ими в соответствии с обычаями и законами.

Этот закон не прекратил своего существования с саксонской расой: Вильгельм Завоеватель, как его обычно называют, отказался от всех претензий завоевания, с удовольствием снизошел до законов, соблюдавшихся саксонскими королями, и таким образом стал королем с дозволения, высоко оценив титул выборного короля, до этого имея титул только действующего короля. Поэтому он на своей коронации принес торжественную клятву поддерживать благие, одобренные и древние законы этого королевства и запрещать несправедливый и несправедливый суд [9, с 28].

"В древних хрониках Личфилда говорится о том, что Совет Лордов порекомендовал Вильгельму Норманнскому созвать вместе дворян и мудрецов со всех графств Англии для того, чтобы они могли устанавливать свои законы и обычаи, это был примерно четвертый год

его царствования: из чего следует, что они имели основные законы, и что он намерен их одобрить.

И один из первых законов, принятых этим королем, который, как отмечает уважаемый автор, можно назвать первой Великой Хартией Вольностей в норманнские времена (согласно которой король ничего не имел от свободы своего королевства, кроме служения ему по доброй воле), в заключении говорит, что земли жителей этого королевства были предоставлены им в дар от короля, и с помощью Общинного Совета всего Королевства; этот закон также предусматривает, что они должны содержать их земли и арендуемое имущество в порядке, и в мире, оберегая от всех несправедливых налогов и незаконной обработки, что подробнее было изложено в законах Генриха I. Так, никакая плата или никакой налог не должен взиматься помимо того, что должно было собираться во времена Эдуарда Исповедника. Так что норманнские короли претендовали на право на земли и имущество лютого из своих подданных только в соответствии с английским законом и правом." [9, с 29]

В случае задолженности или ущерба, взыскание долга происходило путем отторжения справедливо оцененного имущества либо через продажу на шерифских торгах, либо возмещением в денежном эквиваленте; и если этого было недостаточно, подобное распространялось и на землю: и когда все имущество уходило за долги, они традиционно делали последнюю попытку за благо общества, и затем человек признавался банкротом и отдавался на поруки своим друзьям, чтобы они обеспечили ему средства для существования. Но человека никогда не сажали в тюрьму за долги, если дело находилось под надзором короля. И к чести короля Альфреда, если уж об этом говорить, он посадил в тюрьму одного из судей за то, что тот лишил свободы человека, находящегося в подобной ситуации.

И так строги были они в те времена, соблюдая этот основной способ отправления правосудия, что Альфред приговорил одного из судей к смерти, за вынесение обвинительного приговора согласно вердикту (противоправно полученному) присяжных заседателей, трое из которых отрицали вину подсудимого. Если цифра была настолько священна, какова была сама Конституция? Тот же король наказал другого судью, за смертный приговор слабоумному, вынесенному присяжными; и третьего за осуждение человека за дознание, предпринятое в силу занимаемой должности, когда правонарушитель не предстал сам перед судом." [9, с 30]

Для Пенна ясно, что английский народ имеет влияние и является составляющей судебной власти, которая в своей работе применяет законы, которые было древними правами Королевства и общей основой правительства:

тем, что короли после всех революций клялись поддерживать, и история дает нам так много примеров правителей, которые это подтверждали.

"Таким образом, Хартия Вольностей принятая королем Генрихом III являла собой не рождение, а восстановление древних привилегий, защищенных от злоупотреблений. Не дарование новых прав, но дарование заново, или скорее подтверждение древних законов и вольностей, которые нарушил король Иоанн, и восстановил его правопреемник ценой долгой и кровопролитной войны; которая укрепила их в убеждении, насколько продуманно их предки составляли эти совершенные законы.

И хотя коварные советники уговаривали короля признать недействительным закон его отца и его собственный: первый как принятый под воздействием внешних обстоятельств, а второй – как принятый в возрасте несовершеннолетия; все же он так был угоден Всемогущему Господу, который всегда был так милостив к этому неблагодарному острову, монарх утвердил окончательную версию Хартии с целью установления права свободы для всех граждан Англии, рожденных свободными и для их наследников навечно: "что всякий, кто совершит что-либо противоречащее этим законам, по приговору суда, должен быть сурово наказан" нашим господином королем. И так сильно почитали наши предки эту Великую Хартию, и так необходимой и важной они считали ее для благоденствия потомков, что она свыше тридцати раз ратифицировалась и неисполнение ее каралось наказаниями." [9, 36–37]

В характерной манере Пенн ведёт полемику с серией обезличенных вопросов и утверждений, и, через этот искусственный диалог можно понять его основные убеждения:

"Утверждение. Корона и парламент обязуются сохранять и защищать Англиканскую церковь как законную, и, таким образом, терпимое отношение к другим религиозным направлениям является нарушением их клятвы.

Ответ. Выводы были правильными, ведь если это было не так, то весьма неразумно ожидать, что властям невозможно будет что-либо предпринять. Корона и парламент не могли больше затевать какое-либо безнадежное дело: они не принесли клятву делать то, что находилось за пределами их возможностей; а если они так поступят, их клятвы являлись недействительными. Было ли это их выбором времени и места, когда Англиканскую церковь впервые стали раздирать противоречивые мнения, это могло бы выразиться более явно в своего рода бесконтрольности над ними: но так как Церковь Англии не являлась больше церковью, то в таком случае она нашла несколько инакомыслящих, и что особая политика и суро-

вость королевы Елизаветы, короля Якова, и короля Карла Первого не были успешными по отношению к абсолютно-му единообразию, почему должно отражаться на них то, что Церковь Англии не избавилась до сих пор от противоборствующих сторон? К тому же, печально известно, что более поздние войны дали возможность распространяться различным убеждениям, что было совершенно невозможно помешать этому, намного меньше возможностей вмешаться в этот процесс было в течение нескольких лет изгнания короля; в это время ни действующий парламент не являлся парламентом, ни его члены не обладали какими-либо полномочиями.

То, что король, следовательно, обязан преследовать инакомыслящих, потому что он или парламент поклялись поддерживать Англиканскую церковь не даёт всё же допустить, что, поддерживая ее, они должны уничтожить остальных жителей. Возможно ли защитить ее, не уничтожая всех остальных? Позволят ли они любому человеку подменить духовенство, захватывать средства существования, владеть доходами, пользоваться авторитетом? Чем тогда будет обладать церковь? Разве она до сих пор не Англиканская, наделенная такой же властью, обладающая тем же характером? В какой степени она потеряла свое величие и интерес в их глазах? Не являются ли они ее явными защитниками? Является ли она до сих пор национальной церковью?" [9, 63]

Через серию риторических вопросов Пенн, таким образом, подводит своих читателей к мысли, что поддержка и руководство национальной церковью совсем не обязывает к преследованиям и угнетениям. Пенн парирует мнение о том, что монархия и толерантность не согласуются меж собой и первая существует только за счёт консервации народных масс:

Во-первых, – говорит он, если бы это было правдой, то следовало бы, согласно правилу от противного, что республика не может существовать вместе с единством и иерархией, которая представляет монархию в церкви; но она должна от такой монархии в Церкви прийти также к государственной монархии. Но Венеция, Генуя, Лукка, семь из кантонов Швейцарии, (и сам Рим, так как является аристократией), все подчиняются величественной иерархии в Церкви, где нет толерантности, и это показывает на самом деле, что верно обратное.

А во-вторых, это возражение делает Содружество лучшей формой правления из двух, и таким образом низвергает то, что установило бы.

Уильям Пенн, однако, был персонажем, не только теоретически осмысляющим королевское прошлое и настоящее Англии, но и сам непосредственно участвующим в придворных перипетиях. Благодаря своим связям, Пенн

стал чрезвычайно важной фигурой для герцога Йоркского, уже в то время развернувшего активную борьбу за восшествие на престол. В это время Пенн был не только близко знаком с Яковом II, но и вошел в его ближайшее окружение и начал вести жизнь придворного. Последнее вынудило Пенна теснее соприкасаться с большой политикой и публично высказывать свое мнение по важнейшим событиям общественной жизни. Одним из них стал "исключительный кризис" 1679 – 1681 гг., когда вигская группировка во главе с графом Шефтсбери попыталась провести через парламент билль о лишении герцога Йорка прав на британскую корону как католика. Пенн выступил в защиту своего патрона и отстаивал его право на престол Британии. [10]

После восшествия на престол давнего друга Пенна герцога Йоркского под именем Якова II ситуация стала улучшаться. По ходатайству лидера квакеров новым королём были приостановлены преследования за религиозные убеждения, а из тюрем освобождены более тысячи единоверцев Пенна. Однако при дворе у него были и противники. По всей Англии широко распространялись слухи о приверженности Пенна Риму и даже, что он иезуит. Подобная общественная атмосфера была разогрета постоянными религиозными спорами, частой сменой власти, потенциальными заговорами. Одним из самых известных заговоров того времени была попытка восстания герцога Монмаута. Однако это не помешало Пенну поддерживать Якова II в его борьбе с герцогом. Данный случай, представляющийся в историографии как противоречивый, характерен в целом для Пенна [10]. Всё это усиливало недоверие, склонность к решительному противодействию и конфронтации английского социума XVII века.

Уильям-младший поддерживал Якова II даже накануне "Славной революции". Он назначается на ряд важных постов, вступает в полемику с маркизом Галифаксом – сторонником Вильгельма Оранского и одним из организаторов переворота 1688 года. После введения Яковом II в единоличном порядке свободы совести в 1687 году ситуация накалилась до предела. Отмена уголовного преследования за убеждения, доступ к различным профессиям и должностям и освобождение из тюрем многих католиков, квакеров, анабаптистов и др. возымело сильнейшее недовольство парламента. Ситуацию усугубляла тесная связь короля с Версалем и наличие иезуитов в его окружении. Пенн хотел веротерпимости, но не таким образом. В частных беседах с королём он указывал на необходимость действовать осторожно, опираться на мнение парламента. Частые инциденты, посредничество при решении конфликтов (например самовольные, противоречащие закону назначения королём должностных лиц коллегий, епископов и т.д.) и самая политическая нестабильность заставили Пенна пересмотреть свои взгляды.

Его новое сочинение "Добрый совет церквям..." оправдывает необходимость религиозных законов и государственной церкви, хотя и при терпимом отношении к сектантству. Когда Яков II посадил в тюрьму семь епископов за то, что те отказались по его приказу зачитывать публично его закон о свободе совести, то Пенн всячески ходатайствовал за них, проявляя политическое чутьё и дальновидность. Однако король был непреклонен.

После Славной революции и бегства Якова II многие придворные и сторонники бывшего короля скрылись с политической сцены. Близость Уильяма Пенна к Якову II обеспечивала к первому пристальное внимание и не могло не вызвать судебных разбирательств. Тем более, квакер не покинул Англии, и ему пришлось неоднократно являться на заседания, где его вина в заговоре против новой власти так и не подтвердилась. Спорные оценки историков вызывает реакция Пенна на "Акт о веротерпимости" 1689 г. Большинство из них склонно полагать скорее негативное отношение квакера к документу [11, с 18; 12, с 181]. Однако на этот счёт есть и другие мнения [13, с 103]. Выйдя на свободу, Пенн уже через несколько месяцев принял участие в якобитском заговоре, во главе которого стоял шотландец Дж. Монтгомери – радикальный виг, оставшийся недовольным итогами "Славной революции" и переметнувшийся на сторону Якова II. В конце 1690 г., едва оказавшись на свободе, Пенн принял участие в заговоре виконта Престона [14].

Что касается вопроса о предполагаемой встрече русского царя и квакера, то первый биограф последнего, Томас Кларксон, в своих "Воспоминаниях личной и публичной жизни Уильяма Пенна", пишет, что тот почувствовал сильное желание увидеть русского царя, когда он услышал о контакте Петра с квакерами [11, с 176]. Можно предположить, что квакеры, которые посетили царя, сообщили Пенну о вопросах Петра на счёт причастности к иезуитам. Пенн, вероятно, пришёл к выводу, что русский царь имел некоторые негативные представления о нем. Неблагоприятная информация о Уильяме Пенне могла быть передана царю непосредственно от его друзей, короля Вильгельма и епископа Бернета – личных врагов Пенна. Они могли, например, сообщить русскому царю о дружбе Пенна с изгнанным королем Яковом II, защитником квакеров, но "фанатичным папистом". Незадолго до приезда Петра в Лондон Пенн был обвинен в участии в заговоре с целью свержения правительства и содействию в возвращении Якова. Правда, он был оправдан за недостатком улик, но подозрения к нему в официальных кругах остались. Следовательно, мы можем предположить несколько причин, которые имел Уильям, чтобы помочь друзьям во встрече с русским царём. Кроме того, что он мог быть полезным своим знанием голландского, Пенн хотел лично предстать перед царём и изменить его неправильное представление о своей персоне. Интерес-

но отметить, что в Дептфорде Пётр, по странному стечению обстоятельств, проживал в доме Джона Эвелина, где ранее проживал Уильям Пенн. 23 февраля 1698 г. Джордж Уайтхед, один из самых выдающихся лидеров квакеров того времени составил письмо Петру I. Это письмо было подписано, в частности, Уильямом Пенном [15, с 442–443].

Пенн был главой делегации квакеров, которая намеревалась отправиться в Дептфорд, чтобы встретиться с царем. Тем временем Петр посетил квакерскую молельню в этом городе. Именно об этом упоминается в записи от 3 апреля [17, с 605]. Вскоре после этого, вероятно, в результате этого визита, квакеры в Лондоне решили не откладывать более своего предполагаемого путешествия к царю. Они объявили о своих намерениях 5 апреля 1698 года. Этот второй визит квакеров к Петру был неудачен. Им не удалось добиться встречи с царем. Между этой датой и 25 апреля, когда Петр оставил берега Англии, Уильям Пенн видел Петра дважды, о чем свидетельствует его письма: "Глубокое уважение, а не напрасное любопытство, Великий царь, заставили меня два раза ожидать тебя. Мое желание было, и есть, в том, что как Всемогущий Бог определил тебя выше многих миллионов твоего ближних, так ты можешь выделить самого себя над ними необычайным рвением к благочестию и благотворительности, которые являются двумя ногами христианской религии. Пусть этот пример покажет тебе надобность быть также добрым, как и великим, что ты можешь носить его изображение, коим цари правят и повелители вершат справедливость, которую без добра сама власть может никогда не осуществить. "Наилучший" было всегда предпочтительнее "Величайшего" среди языческих правителей, так христианским императорам тем более следует держаться этого. Если будешь править хорошо, ты должен править для Бога, и чтобы сделать это, ты должен быть сам управляем им, тем, кто дал царям свою благодать, чтобы командовать собой и своими подданными, и народу дал благодать повиноваться Богу, и своим царям. Знай, Великий царь, и прими эти знания как часть себя, то искусство в этом беспрецедентном путешествии, в царстве Англии, где Бог коснулся сердца людей более сорока лет назад Святым светом и благодатью Его Сына и Спасителя нашего Иисуса Христа, которым их умы были обращены от ложного поклонения и зла жизни, к поклонению Богу, который есть дух, который ведёт их в их речах так, что они могут распространять плоды его среди людей во славу его. Они обращены внутрь себя и отстранены, они осмеливаются не соответствовать пустым изобретениям и моде мира, как в религиозных так и в гражданских речах, но живут и действуют веря, что Бог видит их в их делах и судит по поступкам их. Они учат, что люди должны быть святыми, иначе они не смогут быть счастливы, что они должны быть немногословны, миролюбивы, сносить обиды, лю-

бить врагов, отречься от себя – без чего вера – ложное поклонение, формальность и лицемерие. Тем не менее, они являются трудолюбивейшими людьми своего поколения, и, хотя выступают против излишеств, весьма расположены к изобретательности. Именно от их имени пятеро из нас пришли приветствовать тебя, и желают тебе увидеть свет в душе, который был дан тебе и всем людям на пользу. Пусть благочестие, мудрость и любовь обитают с тобою, и ты будешь иметь право служить Богу, своими большими возможностями, которые он предал в руки твои. Так молится маленький человек, твой большой друг и доброжелатель." [16, с 435–437]

Имя Уильяма Пенна связано с историей русской культуры не только посредством основателя империи, Петра Великого, но и с его правнуком, Александром I. В 1814, когда после поражения Наполеона, союзные государи посетил Лондон, группа квакеров вознамерилась направиться с визитом к государям с целью повлиять на установление вечного мира. Встреча квакеров с Александром I, а также последующее приглашение в Россию на госслужбу подробно описаны в работах Уильяма Аллена [18] и Стефана Грелье [19]. Из их мемуаров о пребывании в России мы можем узнать, что русский царь был особенно заинтересован одной из книг квакеров, а именно "Нет креста – нет и короны" Уильяма Пенна. Он даже выразил желание увидеть книгу в переводе на русский язык. Александр I считал, что перевод "отличной работы Вильяма Пенна был бы весьма полезным, особенно для тех, кто высокого ранга". Интересно также отметить, что квакеры в их первой миссии в России принесли с собой несколько работ Уильяма Пенна которые они распространяли среди выдающихся представителей мистического движения в России то время. Российские общественные деятели и писатели проявляли интерес к фигуре квакера. Новиковым, например, был опубликован перевод "Некоторых плодов одиночества" в 1790 году, а Радищев в своей знаменитой книге "Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву", также 1790 года, описывая ужасы крепостного права, упоминает квакеров как пример для подражания. В 1838 году известный радикальный революционер России, Александр Герцен, будучи в ссылке во Владимире написал поэму, названную "Вильям Пен" [20]. Поэма Герцена Вильям Пен описывает следующие эпизоды из жизни великого представителя Общества друзей: первая встреча молодого Пенна с основателем движения Джорджем Фоксом, влияние Джорджа Фокса на Уильяма Пенна, разрыв последнего с отцом, уезд Пенна в Америку и реализация идеалов братства. Как позже напишет сам автор, эта поэма смотрится как пережиток религиозной концепции, которая ведёт Герцена не к мистицизму, а к революционной идеологии и социализму. Религиозная оболочка произведения, таким образом, обусловлена идейными и стилевыми исканиями писателя.

Таким образом, можно увидеть, что личности монарха публицист-квакер уделяет весьма большое значение, что характерно для его единоверцев. Однако, даже короли не вправе отменять и произвольно трактовать права и свободы народа, ведь они сами должны быть подчинены букве закона. Пенн прикладывает много усилий, чтобы повлиять на текущее положение дел через монарха: например уже упоминавшийся случай амнистии более тысячи

квакеров имел место именно из-за ходатайств их лидера. Стоит также упомянуть и тот факт, что приближенность ко двору имела и негативные последствия. У Пенна было много врагов, завистников, а после Славной революции он оказался под постоянным присмотром новой власти, был вынужден платить штрафы и подвергаться обвинениям в заговоре. Однако, именно этот период в жизни философа стал наиболее продуктивным и плодотворным.

ЛИТЕРАТУРА

1. A brief account of the rise and progress of the people called Quakers / William Penn. Philadelphia, 1816.
2. Станков, К. Н. Уильям Пенн, Яков II Стюарт и движение якобитов / К. Н. Станков // Вопросы истории. – 2014. – № 1. – С. 109–121
3. Жук С. И. Вильям Пенн и основание Пенсильвании // Вопросы истории. – 2000. – № 1. – С. 115–127
4. Исаев С.А. Хартии колониальной Пенсильвании/С. А. Исаев // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. – СПб., 2014. т. № 1.–С.212–230
5. Ни В. И. Идея мира в европейской политической мысли Нового времени: Генезис и эволюция: диссертация канд. полит. наук – Москва, 2002. – 134 с.
6. Паншон Джон. Квакеры и мир сей (перевод Павловой Т. А.). Издатель: сайт Quakers.ru, 1998. – 44 с.
7. Dvoichenko–Markov E. William Penn and Peter the Great. // Proceedings of American Philosophical Society, 1953, vol. 97, N 1.
8. Richenda C. Scott. Quakers in Russia. London, 1964.
9. William Penn, The Political Writings of William Penn, introduction and annotations by Andrew R. Murphy Indianapolis: Liberty Fund, 2002.
10. Станков, К. Н. Уильям Пенн, Яков II Стюарт и движение якобитов / К. Н. Станков // Вопросы истории. – 2014. – № 1. – С. 109–121
11. Clarkson J. Memoirs of the private and public life of William Penn, London, 1813.
12. Vincent Buranelli, The King & the Quaker: A Study of William Penn and James II. University of Pennsylvania Press, 1962.,
- 13 W. A. Alcott, Sketches of William Penn. D. S. King, 1839.
14. Станков К. Н. Заговор виконта Престона 1690 года // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. №1.
15. Whitehead G. The Christian progress of that ancient servant and minister of Jesus Christ. Philadelphia, 1832.
16. Passages from the life and writings of William Penn", Philadelphia, 1882.
17. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб, 1858.
18. Allen W. Life of William Allen, Philadelphia, 1847.
19. Grellet S. Memoirs of the Life and Gospel Labors of Stephen Grellet, London, 1860.
20. Арустамова А. А. Образ У. Пенна в творчестве А. И. Герцена // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №50.
21. Павлова Т.А. Квакерское движение в Англии (вторая половина XVII – начало XVIII в. // Религии мира. История и современность. – М.: Наука, 1982.
22. Павлова Т.А. Джордж Фокс и движение квакеров // Хью МакГрегор Росс. Говорит сам Джордж Фокс. – М., 1995.
23. Павлова Т. А. Дух Просвещения и ранние квакеры // Человек XVII столетия. Часть 1. – М., ИВИ РАН, 2005, с. 149–159.
24. Артеменко С. А. Социальные аспекты деятельности квакеров в Англии в XVII веке // Вестник МГОУ. Серия: история и политические науки. 2010. №4–5 – с. 99–104
25. Комаров Ю. А. Антропология квакеров: самоотречение и вера // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2013. №3 – с. 110–118.
26. Вера и практика: образ жизни друзей / М. Мэлман. Филадельфия? М. 1992. 64 с.

© А.В. Ирышков, (alliez11@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Реклама

Традиции. Инновации. Успех!

И И МИБО